

Рибо Теодюль

**Современная английская
психология**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
Современная английская психология / Рибо Теодюль – М.: Книга по Требованию, 2023. –
376 с.

ISBN 978-5-519-80658-9

ISBN 978-5-519-80658-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ редактора перевода.

Психологія у насъ теперь—въ чести. Она, собственно и даетъ какой-нибудь толчокъ разработкѣ философскихъ вопросовъ. Но если къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ русская публика стала интересоваться психологіей, то главной виновницей такого интереса является новѣйшая опытная наука о душѣ, не имѣющая ничего общаго со старыми идеалистическими теоріями и доктринами. И наша учащаяся молодежь, и общеобразованные люди стали сочувствовать опытной школѣ, то есть школѣ, по преимуществу, англійской. Почему книга Вундта, составленная изъ его лекцій: „О душѣ человѣка и животныхъ“ имѣла успѣхъ? Потому, главнымъ образомъ, что ея авторъ держался физиологическихъ основаній, которыя онъ потомъ, лѣтъ десять спустя, развилъ еще больше въ своей „Физиологической психологіи“, уже выходящей на русскомъ языкѣ. Имена Льюиса, Милля, Герберта Спенсера, Бэна сдѣлались ходячими къ концу семидесятыхъ годовъ. Въ другомъ мѣстѣ—въ моемъ вступительномъ этюдѣ къ переводу посмертнаго сочиненія Льюиса „Изученіе психологіи“—я говорилъ какъ этотъ даровитый мыслитель и ученый сдѣ-

дался у насъ популярнѣ. Тоже самое можно сказать и о Миллѣ, не только экономистѣ и политическомъ писателѣ, но и мыслителѣ. Его „Логика“, куда вошло много чисто-психологическихъ отдѣловъ, служить настольной книгой каждому русскому читателю, пожелавшему выяснить себѣ правильные приемы мышленія. Поэтому и Гербертъ-Спенсеръ все больше и больше овладѣвалъ интересомъ и сочувствіемъ русской публики. И первые его „Опыты“ разошлись въ русскомъ переводѣ, и его „Біологія“ повліяла на руководящіе взгляды молодежи, занимающейся естествознаніемъ. Переводъ его „Психологіи“ нашелъ уже подготовленную почву. Не одни дилеттанты и случайные читатели, но и люди съ серьезнымъ научнымъ образованіемъ, ученые спеціалисты воспользовались талантливыми построениями и выводами Спенсера для разработки своихъ взглядовъ и принциповъ по наукѣ о душевной жизни. Бэнь извѣстенъ меньше, но уже давно переведена его книга „Объ изученіи характера“. Вышли недавно его „Тѣло и душа“ и книга о воспитаніи. Европейски извѣстныя сочиненія Бэна до сихъ поръ еще не появились на русскомъ языкѣ, но объ нихъ знаютъ, объ нихъ не разъ была рѣчь. Все предъидущее движеніе англійской опытной психологіи было разработано, къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ докторской диссертациі профессора московскаго университета Троицкаго, представляющей параллельную картину движенія психологическихъ знаній въ Англіи и Германіи. *) Въ послѣднее время нѣмецкіе послѣдователи Канта подняли голову и, подъ натискомъ политическихъ событій, изъ чувства національной гордости, слишкомъ раздули значеніе Канта въ исторіи науки о душевной жизни. Нашлись и въ Россіи попу-

*) *Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи*. Историческое и критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со времени Бэкона и Локка. М. Троицкаго. Москва 1866 г.

ляризаторы этих нѣмцевъ, пожелавшіе поставить такъ называемую „теорію познания“ краеугольнымъ камнемъ всякаго философскаго міровоззрѣнія. Но стоитъ только взглянуть въ упомянутую мною сейчасъ диссертацию профессора Троицкаго, чтобы увидѣть: до какой степени лишены строго-научной критики взгляды на Канта, какъ на основателя единственно правильной, то есть опытной, психологіи. Въ этой сферѣ надо идти совсѣмъ не отъ Канта. Тутъ исходной точкой служатъ біологическіе факты въ ихъ связи съ правильно поставленнымъ методомъ самонаблюденія. Не у нѣмцевъ, а у англичанъ надо отыскивать истоковъ этой широкой и плодоносной рѣки точнаго знанія души человѣческой.

Книга Рибо и послужитъ даровитымъ, яснымъ, отчетливымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ успѣховъ опытной англійской психологіи новѣйшаго времени, то есть XIX вѣка. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что и во Франціи эта англійская школа очень мало была извѣстна. Переводы появились только въ самое послѣднее время, а на словесныхъ факультетахъ, въ лицейхъ и въ высшихъ заведеніяхъ преподавалась, и до сихъ поръ преподается, чисто метафическая психологія, тотъ сборъ противорѣчивыхъ понятій, укутанныхъ въ идеализмъ, какой, съ эпохи Кузена, пріобрѣлъ офиціальное право гражданства во Франціи, во всѣхъ заведеніяхъ, зависящихъ отъ такъ называемаго „университета“, то есть министерства народнаго просвѣщенія. Теперь и во Франціи, и у насъ многое, что излагаетъ Рибо, уже извѣстно въ переводѣ, напримѣръ: „Психологія“ Герберта Спенсера, „Логика“ Милля, книги Льюиса. Но это нисколько не умаляетъ достоинства и даже новизны критическаго сочиненія Рибо. По ней русскій читатель можетъ многое провѣрить. Начитанность, какую онъ могъ въ послѣднее время получить по однимъ только русскимъ переводамъ, поможетъ ему приступить съ долж-

ной подготовкой къ знакомству съ сочиненіемъ Рибо. Эта книга была сейчасъ же переведена въ Англіи и встрѣчена тамъ чрезвычайно сочувственно. И тамъ она не была нисколько лишней, а напротивъ выяснила, въ общихъ рельефныхъ чертахъ, значеніе опытной психологической школы, заохотила многихъ къ тому, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этой отраслью научныхъ данныхъ. Для насъ же она является положительнымъ подаркомъ. У нѣмцевъ, напримеръ, много знаній, они даже щеголяютъ походя своей глубокой и кропотливой эрудиціей. Но излагать они куда не мастера: съ этимъ никто не будетъ спорить. Люди въ родѣ Лянге, автора „Исторіи матеріализма“,—блестящее исключеніе изъ общаго уровня нѣмцевъ, излагателей системъ и критиковъ. Если русскій переводъ сколько нибудь отвѣчаетъ своему подлиннику, то читатель, конечно, согласится, что изложеніе Рибо вездѣ мастерское, изящное по своей простотѣ, ясности и, на что я особенно напиралъ, безпристрастію, объективному пониманію. Можно было бы прибавить къ французскому тексту и еще многое о трудахъ по психологіи, явившихся послѣ 1875 года, но намъ хотѣлось оставить книгу въ ея самобытной формѣ, не отягчать ея примѣчаніями и прибавленіями. Какъ бы редакторъ перевода ни подходилъ, по своимъ симпатіямъ, къ философскимъ настроеніямъ автора, все-таки въ дополненіяхъ скажется нѣчто иное, нарушена будетъ гармонія цѣлаго, книга потеряетъ свой литературный отбѣнокъ. Рибо не только хорошій излагатель,—онъ и весьма искусный стилистъ.

Но я не считаю возможнымъ оставить безъ оговорки вступленія, принадлежащаго самому Рибо. Въ немъ онъ высказываетъ свой взглядъ на то: *члмз будетъ современемъ философія, члмз она должна быть, по самой своей сущности*. Читатель просмотритъ это вступленіе и увидитъ, что Рибо, при всемъ своемъ сочувствіи

научному направленію психологіи, все таки позволяет себѣ экскурсіи въ область метафизики. Онъ прямо говоритъ, что философія, когда она освободится отъ обособленныхъ, конкретныхъ наукъ, будетъ сведена къ ученію о самыхъ общихъ вопросахъ мышленія, такихъ вопросахъ, гдѣ нельзя уже будетъ примѣнять ни наблюденія, ни опыта, ни точной дедукціи. Въ его краснорѣчивой характеристикѣ, философія будущаго является какой-то высшей мыслительной *поэзіей*. Онъ употребляетъ почти эти самыя выраженія или, по крайней мѣрѣ, даетъ чувствовать, что онъ такъ смотритъ на философію будущаго.

Можно-ли съ этимъ согласиться? Я не стану навязывать моимъ читателямъ ничего узкаго и тенденціознаго, но не могу скрыть, что если кто-нибудь держится, напри-мѣръ, такъ называемаго *положительнаго* міровоззрѣнія, выводовъ научной философіи, даже безъ всякихъ крайностей односторонняго позитивизма, тотъ не можетъ принять гадательныхъ соображеній Рибо, хотя-бы чувствовалъ къ нему весьма большую симпатію. Что философія, въ тѣсномъ смыслѣ, сведется къ самымъ широкимъ и общимъ соображеніямъ, это—внѣ сомнѣнія. Но къ какимъ—вотъ вопросъ. Огюсть Контъ первый, въ строгой системѣ и съ такой полнотой, показалъ связь между различными областями знанія; намѣтилъ и очертанія философіи, какъ высшей области знанія, къ которой всѣ отдѣльныя общія науки будутъ приливать и доставлять ей всѣ свои выводы. Но эти выводы будутъ всѣ доставлены путемъ строгаго научнаго изслѣдованія, то есть опытомъ, наблюденіемъ, индукціей и дедукціей, насколько она возможна. Что философія, въ тѣсномъ смыслѣ, то есть *наука наукъ*, можетъ и будетъ пользоваться дедуктивнымъ способомъ, это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Но ея дедукція будетъ всетаки обращаться на общіе вопросы, подготовленные всѣми отдѣльными и, такъ сказать, част-

ными *философіями наукъ*. Какже можно, поэтому, согласиться, что она будетъ *ничѣмъ инымъ, какъ метафизической*? А это буквально утверждаетъ Рибо. Неужели же всѣ, кто ратуетъ противъ метафизики, дѣлаютъ это изъ одного задора? Надо сговориться. Положительный методъ мышленія, закрѣпленный геніальнымъ починомъ Огюста Конта, есть единственный способъ дойти до познанія *относительной* истины, какая открывается человѣческому уму. Примѣръ математики тутъ не причеъ. У насъ обыкновенно злоупотребляютъ этимъ примѣромъ, говорятъ, что математика, идя только по логическимъ путямъ, широко пользуясь одной дедукціей, не имѣя даже возможности употреблять опытъ или непосредственное наблюденіе, все-таки достигаетъ высшей степени точности, въ какой когда-либо находилось человѣческое знаніе, что она только можетъ отрѣшаться отъ каждаго конкретнаго факта и, въ тоже время, доводить свое предвидѣніе, путемъ вычислений, до самыхъ крайнихъ предѣловъ, еще немислимыхъ ни въ одной естественной наукѣ. Все это справедливо, но не нужно забывать, что математика есть наука *самыхъ простыхъ отношеній*. Ея провѣрка не требуетъ такого знакомства съ реальными фактами, какое необходимо на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ точнаго знанія, начиная съ физики и кончая соціологіей. Не надо забывать, что вся математика основана на извѣстныхъ аксіомахъ, то есть положеніяхъ, не подлежащихъ уже дальнѣйшему обследованію. Разъ вы подвергнули сомнѣнію хотя-бы такой общій принципъ, какъ на примѣръ, положеніе: „часть меньше цѣлаго“, вы разрушите все зданіе математики. Заручившись извѣстнымъ числомъ такихъ аксіомъ, математика идетъ, безпретятственно, дедуктивнымъ путемъ. Но и самыя ея аксіомы, если свести ихъ на геометрическія фигуры и построенія, основываются на непосредственномъ свидѣтельствѣ чувствъ, то есть на реальныхъ

представленіяхъ. Потому-то геометрію и слѣдуетъ считать естественной наукой, а она положила основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ математическимъ знаніямъ. Въ метафизикѣ же всѣ сторонники научно-философскаго воззрѣнія, всѣ позитивисты различныхъ оттѣнковъ, видятъ доктрину, уничтожающую, въ самомъ корнѣ, всякое точное знаніе. Метафизика позволяетъ обращаться съ отвлеченными идеями такъ, какъ въ математикѣ обращаются только съ аксіомами. А это совсѣмъ не одно и то же. Наши отвлеченныя идеи ничто иное, какъ *отвлеченія* отъ реальныхъ предметовъ, то есть логическія группы и сопоставленія. Они намъ полезны и необходимы для нашей умственной и общественной жизни, но, сами по себѣ, не представляютъ собой реальностей внѣшняго міра. Мы говоримъ: душа, мысль, воля, энергія, сила. Все это слова, понятныя намъ потому только, что подъ каждое изъ нихъ мы подкладываемъ какой-нибудь реальный, обособленный, дѣйствительно существующій фактъ или примѣръ. Но попробуй мы начать играть этими отвлеченіями, этими абстрактами, какъ это дѣлается въ метафизикѣ. По какому пути пойдемъ мы? По пути обыкновенныхъ логическихъ построеній? Но то, что вѣрно для безличныхъ и бездушныхъ цифръ и величинъ, то окажется весьма невѣрнымъ для такихъ абстракцій, подъ которыми предполагаются болѣе сложные факты изъ области природы и человѣческой исторіи. Все движеніе нѣмецкой идеалистической философіи доказываетъ это. Отчего нельзя было идти за многими разсужденіями нѣмецкихъ метафизиковъ, когда они, на примѣръ, разработывали психологію вплоть до послѣдняго времени? Оттого, что эти метафизики позволяли себѣ, совершенно произвольно, считать абстракціи за нѣчто дѣйствительно существующее, превращать продуктъ въ самый агентъ. До тѣхъ поръ пренія о душѣ и тѣлѣ, объ ихъ взаимодействіи, о самостоятельности духа и т. д. не вый-

дуть изъ предѣловъ произвольныхъ объясненій и толкованій, пока не будетъ неизбежно признано, всѣми занимающимися психологіей, *что продукта не слѣдуетъ принимать за сущность, за агентъ*. Такъ точно и въ метафизикѣ, занимающейся общими вопросами мірозданія, божества, нравственного начала, — нѣмецкіе философы-идеалисты брали за аксіомы чистыя абстракціи и, затѣмъ, сообразно своему уму, таланту, логической бойкости, философскому воображенію строили системы, совсѣмъ не отвѣчающія реальной дѣйствительности. Они освобождали себя отъ вѣчнаго и неизбежнаго контроля, который одинъ только даетъ знанію прочность и силу. Вотъ противъ этой-то метафизики ратовали и ратуютъ всѣ позитивисты, разумѣя это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ: сторонниковъ научно-философскихъ взглядовъ. И если оно такъ, то какже согласиться съ мнѣніемъ Рибо, что философія современемъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ метафизикой? Можетъ быть, эта обособленная философія, эта наука наукъ, и станетъ обсуждать самые общіе вопросы, но она, если пожелаетъ имѣть какое-нибудь серьезное значеніе, будетъ всетаки дѣлать это на основаніи фактовъ, добытыхъ отдѣльными науками. Мнѣ кажется, что въ другихъ мѣстахъ, авторъ не противорѣчитъ этому. Онъ самъ говоритъ, что успѣхи отдѣльныхъ наукъ ведутъ къ неизбежнымъ, болѣе и болѣе широкимъ обобщеніямъ, *основаннымъ на фактахъ*. Таковы, напримѣръ, гипотезы, служащія уже точной наукѣ для объясненія множества фактовъ, хотя проверить эти гипотезы, до извѣстнаго времени, и нельзя. Да, онъ это говоритъ. Но Рибо сводитъ философію будущаго къ вопросу о „неизвѣстномъ“, о томъ, что находится внѣ и надъ нашими органами воспріятія; далѣе, онъ допускаетъ, что изысканіе этого неизвѣстнаго ограничивается пріемами чисто-метафизическими, то есть не подлежащими проверкѣ. Если-бъ это

были только соображенія въ родѣ теперешнихъ гипотезъ, тогда никакой позитивистъ ничего не можетъ имѣть противъ подобной философіи. Но Рибо не желаетъ быть двусмысленнымъ. Онъ весьма ясно говоритъ намъ, что такая высшая философія будетъ *лишена научнаго достоинства*. Ее нельзя никакъ называть наукой уже потому, что все познаваемое научнымъ путемъ вполнѣ у ней отнято. Ни мѣры, ни провѣренныхъ положительными приѣмами изслѣдованій невозможно къ ней примѣнять. И тутъ онъ прибавляетъ, что метафизика и есть складъ истинъ „внѣ и надъ всякой демонстраціей, потому что онѣ представляютъ собой основу всякой демонстраціи“. Прибавляетъ онъ также и то, что метафизика *субъективна*, по самому своему складу. Все это очень откровенно. Гораздо пріятнѣе видѣть ясное опредѣленіе, чѣмъ слѣдовать за какимъ нибудь лже-мыслителемъ, который вертится въ разныя стороны, желая угодить и метафизикамъ, и позитивистамъ. Но можно-ли на этомъ успокоиться? Какое достоинство представляетъ намъ подобная общая философія, сведенная на чисто субъективныя, личныя воззрѣнія и обобщенія? Это и будетъ какая-то поэзія, занимающаяся неразрѣшимыми вопросами бытія вселенной и человѣка. Рибо опять самъ подкрѣпляетъ такое опредѣленіе и еще разъ повторяетъ, что подобная философія будетъ заключать въ себѣ „только общія, отвлеченныя идеи“, что она станетъ совершенно „внѣ фактовъ“ и что все увидятъ въ ней „болѣе творческое, чѣмъ научное произведеніе“.

Все это очень красиво высказано, но, увы, согласиться съ мечтаніями автора невозможно! Любимъ, въ своихъ „Вопросахъ о жизни и духѣ“, показываетъ намъ прямо, что можно оставаться позитивистомъ, держаться твердо научно-философскихъ мнѣній и приѣмовъ и все-таки допустить для человѣческаго ума общую разработку вопросовъ, гдѣ дедуктивный методъ найдетъ свое примѣненіе. Эту об-

ласть Льюисъ назвалъ *метэмпирикой*. Сдѣлалъ онъ это не по тенденціозному нежеланію употреблять слово „метафизика“. Его метэмпирика еще допустима: она будетъ современемъ представлять собой нѣчто въ родѣ логики, примѣненной къ общимъ вопросамъ бытія, не поддающимся непосредственному свидѣтельству нашихъ чувствъ и научнымъ экспериментамъ съ ихъ индукціей и провѣркой. Точно также и Гербертъ Спенсеръ и Милль допускаютъ область *сверхчувственную*, признаютъ, если не полную возможность, то умѣстность не теперь, такъ современемъ, заниматься нѣкоторыми общими спекуляціями ума. Но это вовсе не то, о чемъ говоритъ Рибо. Метэмпирика Льюиса находится въ прямой связи со всѣми успѣхами біологіи, фізіологіи и другихъ положительныхъ знаній. Никогда ни Льюисъ, ни Гербертъ Спенсеръ, ни даже Милль не утверждали того, что общая философія будетъ сведена къ чисто субъективному основанію. Тогда, конечно, слѣдуя разсужденію Рибо, надо довольствоваться, въ этой высшей философіи, тѣмъ, что мы имѣемъ въ поэзіи. Сколько головъ, столько и умовъ! Въ Англіи начнутъ признавать такіе метафизическіе принципы міроваго бытія, какіе во Франціи будутъ считаться бреднями, и наоборотъ. Повторится то самое, что мы имѣемъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ идеалистическихъ системъ. Для ума, воспитаннаго на изученіи законовъ природы и человѣческаго общества, такая перспектива—вовсе не соблазнительна. Талантливые люди могутъ настроить всевозможныхъ воздушныхъ замковъ мірозданія. Но что же выиграютъ отъ этого человѣкъ и все людское общество, къ какимъ здоровымъ результатамъ приведутъ подобныя философско-поэтическія измышленія? Прошло уже время, когда одинъ талантливый человѣкъ могъ, продуктами своей фантазіи, увлекать цѣлыя расы и вліять на ходъ всемірной исторіи. Мы ждемъ отъ передоваго человечества не алькорана, не индѣйской теософіи и какихъ-